
САДЫ
ВОСПОМИНАНИЙ
ЛАУРЕНСИЯ МАРКЕС

Сады Воспоминаний

Жанр произведения: Фантастика

Произведение написал автор BookBox Лауренсия Маркес

Ссылка на публикацию

Когда наступало утро, свет на Аурелии пробуждался не сразу – сперва робко и медленно, словно краска, растворяясь в дымке над далёкими горными пиками. Сквозь прозрачные стены дома, встроенного прямо в склон холма, проникали осторожные и мягкие лучи, постепенно оживляя зелень, струившуюся по стенам живыми потоками листвы и цветов. Где-то глубоко среди веток негромко зашелестел Лём, встревоженный лёгким беспокойством своего хозяина. Маленькое древовидное создание дрожащими листочками отражало настроение Элиаса лучше, чем любое зеркало.

Элиас сидел, склонившись над столом, и задумчивым взглядом глубоких серо-зелёных глаз рассматривал потрёпанную книгу – одну из тех, что давно уже вышли из моды в эпоху цифровой экспансии, но по-прежнему согревали его сердце своей живой тяжестью и шероховатостью страниц. Рассеянное утреннее солнце играло на его волосах цвета тёмного мёда, чуть спутанных от ветров и частых прогулок по росистой траве. Он бережно провёл кончиками пальцев по старинной обложке и вздохнул: в простой и лаконичной поэзии старой Земли было нечто такое, чего не хватало новому цифровому миру. Эту романтику тихий Садовник памяти хранил внутри себя, никому не показывая.

Поднявшись и потянувшись, Элиас надел привычный мшисто-зелёный комбинезон, машинально коснулся пояса с инструментами и миниатюрным сканером памяти и направился к выходу, уже ощущая невидимую связь с растениями Сада, словно они звали и ждали его. Работа Садовника Памяти была искусством тонким и глубоким – она соединяла науки о жизни и разум тончайшей эмпатической нитью. Вырастая из теории Академии Биогенеза на Земле, его профессия здесь, на Аурелии, обрела живое дыхание и чуткость, став куда большим, чем простое садоводство или психология.

Он вышел наружу, взгляд привычно обнял панораму сияющих лесов и дальних вершин, и сердце успокоилось, задышало вместе с планетой. Впрочем, сегодня гармония была хрупкой – он чуял смутную тревогу, зародившуюся где-то глубоко в корнях деревьев. Нужно было проверить сеть биоэмпатических связей, тихо поговорить с хранителями воспоминаний – мудрыми стариками, чьи голоса были голосами древности и терпения.

Но, прежде чем он отправится проверять Сад, Элиас задержался ещё на миг в дверях дома, наблюдая, как в глубине жилых прозрачных стен его растения заботливо натягивают хлорофилловые паруса и фильтруют воздух, насыщая пространство чувством лёгкости и покоя. Лём, побежавший за ним следом, коснулся его ноги листочком – и в этом нежном движении была вся важность их глубокой связи.

Сегодняшний день обещал быть особенным: вечером предстояло путешествие к соседней планете через Зеркало Памяти – странную и прекрасную технологию, ёмко объединяющую пространственную телепортацию и слияние с биоэмпатической сетью других миров. Элиас знал, что это будет не просто прыжком в чужой мир, а настоящим внутренним путешествием, наполненным эмоциями и знаниями других колоний. Он не просто отправится туда, он станет частью их жизненного опыта, а они – частью его сознания.

Легко коснувшись на прощание пальцами старой бумажной книги, Садовник шагнул по направлению к сияющим дорожкам Сада. Рядом шелестел Лём, тихий голос его листьев напоминал, что сегодня весь мир вокруг был полон ожидания – неясного, тихого и одновременно пугающего предчувствия перемен.* * *

Элиас ступил из Зеркала Памяти на поверхность незнакомой планеты, ощущая во всём теле привычное мягкое покалывание после переноса. В воздухе царили едва различимые ароматы, похожие на ноты мелодии, сыгранной на незнакомом инструменте. Поднимая взгляд, он увидел нечто такое, что заставило его замереть на полушаге.

Рядом тихо зашелестел листочками встревоженный Лём, отразивший недоумение и лёгкий трепет своего хозяина.

– Что это? – тихо пробормотал Элиас, шагнув ближе и подняв руку вверх, словно желая коснуться неземного явления.

Неожиданно нити света над его головой закружились, собираясь в ослепительную сверкающую спираль, и, прежде чем он успел среагировать, одно из мерцаний отделилось от небесного течения, плавно опустившись прямо перед ним.

Перед Садовником плыла полупрозрачная форма, напоминающая пузырёк воды, внутри которого переливались тысячи крохотных огоньков. Элиас почувствовал тепло, которое осторожно, будто нерешительно, коснулось его сознания. Сам того не понимая, он затаил дыхание…

«Ты тоже Садовник», – прозвучал ясный, мелодичный голос, идущий не извне, а прямо из глубины его собственной памяти.

Элиас невольно улыбнулся, ощутив невообразимую смесь удивления и внутренней радости, словно встретил давно забытого друга там, где меньше всего ожидал. Подняв глаза к ожившему небу, он наконец начал понимать масштабы происходящего. Это было не просто новой формой жизни. Перед ним оказалась гигантская биоэмпатическая структура, всепланетная сеть воспоминаний и сознаний, не созданная людьми, но возникшая естественным образом, древняя и мудрая, как сама Вселенная!

Садовник, привыкший ухаживать за человеческой памятью, осознал, что впервые в истории человечество столкнулось с естественным Садом Воспоминаний другой цивилизации, настоящим организмом-носителем памяти целых миров. Сердце его тревожно забилось: он был первым человеком, который соприкоснулся с древним, невероятно мудрым существом, сотканным из жизней и опыта миллионов иных существ.

– Как мне называть тебя? – мысленно спросил Элиас, стараясь вложить в вопрос всю глубину уважения и любопытства. «Называй меня Эффемер», – ответило существо. «Мы ждали того, кто способен понять и почувствовать. Теперь ты не просто наблюдатель. Ты часть нашего Сада, Элиас».

Его охватило чувство торжественного смирения; пульс участился, дыхание на миг перехватило, и первое, что он решил сделать, было открыть свой разум полностью и искренне.

– Позволь мне учиться у тебя, Эффемер, – прошептал он без страха и колебаний. – Дай возможность защитить мой народ от Тьмы, поселившейся среди нас. В ответ тёплое сияние наполнило его грудь. Эффемер мягко коснулся разума Элиаса, проникая в самую суть его сознания. В мгновение ока памяти Элиаса и Эффемера переплелись, рождая новое, непостижимое единение – союз человеческого и космического, частного и бесконечного, эфирного и вечного… Стало очевидно: чтобы спасти человеческий Сад Воспоминаний от заражённых страхом сознаний, Элиас должен понять, как справляется с этим древняя цивилизация. Ведь именно в слиянии опыта – земного и неземного – и заключается их общая надежда

Элиас осторожно шагнул вперёд, навстречу пульсирующему разуму Вселенной, зная, что его миру уже никогда не стать прежним

* * *

В тот момент, когда Эффемер нежно и осторожно коснулся его разума, Элиаса захлестнула мощнейшая волна эмоций, способная сбить с ног даже самых стойких хранителей памяти. Слияние замысловатого сознания Эффемера с хрупкой сетью его собственных воспоминаний было подобно попытке выпить океан или пронести через игольное ушко целую галактику… Садовник задыхался, не в силах осилить груз чужого сознания, страх перед неизведанным ледяным холодом охватил его сердце.

Эффемер, казалось, мгновенно ощутил его боль и ужас, мгновенно отступил, оставляя за собой лишь легчайшие искры сожаления…

Элиас рухнул на колени, тяжело дыша и пытаясь восстановить дрожащее сознание. Перед глазами мелькали обрывки чужих воспоминаний: бесчисленные миры, рождение и гибель цивилизаций, события невиданной красоты и жестокости. Будущее, которое он увидел в прикосновении Эффемера, было великолепным в своём величии и совершенно ужасающим в ответственности, что легла теперь на его плечи.

«Слишком велика цена, – подумал Элиас, борясь с внутренним голосом, – я простой Садовник, как я смогу справиться с этим?..»

И вдруг, словно из ниоткуда возникший тёплый порыв ветра, на поляне чётко раздались шаги. Элиас быстро поднял голову и увидел фигуру высокой, стройной женщины, облачённой в свободный тёмно-лиловый плащ, переливавшийся, словно поверхность тёмного озера. В её внимательных, почти прозрачных глазах не было зла, но присутствовала непоколебимая решимость.

– Не выдержал? Это нормально, – произнесла незнакомка тихим, мелодичным голосом, который звучал так отчётливо, словно прошёл по самому позвоночнику Элиаса. – Не каждый смог бы принять сознание Эффемера. Меня зовут Риэлла, и я ощутила твоё прибытие ещё до того, как ты коснулся сознания Небесного Сада.

Элиас с трудом поднялся на ноги, настороженно всматриваясь в её черты, одновременно совершенно незнакомые и почему-то странным образом близкие: – Кто ты такая? Ты живёшь здесь?

Она лишь слегка улыбнулась: – Я всего лишь странница, идущая вслед за Памятью. Встречаться с иными цивилизациями стало моим путём. Эффемер – удивительная форма жизни, обладающая силой величайших знаний и способностью соединять сознания. Я следовала за ним сквозь звёзды и миры. Но сейчас настал критический момент: тёмные стороны человеческих воспоминаний способны разрушить не только ваш Сад, но и все биоэмпатические сети во

Вселенной. – Но почему именно я? – Элиас отвернулся, голос его задрожал. – Разве мало других Садовников, дипломатов, – Ты ошибаешься, если думаешь, что выбор случайный. Для Эффемера и подобных ему созданий не важны чины и ранги. Он видит только искренность сердца и чистоту разума. Именно в тебе он увидел ту способность, которая столь редка в людях, – быть искренним Хранителем Памяти. Но у тебя всегда есть выбор, Элиас, – её глаза стали глубже, почти заглянули в самую суть его души, – Ты можешь бежать, оставить всё и вернуться к простой и безопасной жизни. Или можешь использовать силу Эффемера в личных целях, – её энергии хватит, чтобы сделать тебя самым богатым и влиятельным человеком вселенной. Лишь одно твоё слово – и твоё будущее будет таким, как ты пожелаешь.

Сердце Элиаса болезненно забилось, перед глазами поплыли манящие образы: могущество, комфорт и безграничная известность… Но в следующий миг он ощутил тихое движение в груди – ласковое прикосновение Лёма, который мягко шелестел листьями, отражая его тревогу и боль, возвращая к истинной природе его собственного сердца…

– Нет, – тихо, но твёрдо проговорил Элиас, глядя женщине в глаза и пытаясь скрыть дрожь. – Я не хочу бежать и не хочу власти. Но я боюсь. Мне нужен покой, и я никогда не просил этой ответственности. Может быть, есть кто-то другой?!

Риэлла вдруг улыбнулась ясно и светло, словно ожидала именно этого ответа: – Именно этот страх и делает тебя достойным её, Элиас. Ты не ищешь славы, и поэтому сможешь защитить Память. Но я не оставлю тебя одного, – ты скоро поймёшь это…

Женщина шагнула назад и, растворяясь в сиянии Эффемера, тихо добавила: – У каждого из нас есть собственный путь через звёзды, и не всегда он лёгок. Но именно ты, Элиас, должен пройти этот путь до конца.

Оставшись уже в одиночестве под живым небом, Элиас ощутил всё многообразие своих чувств: страх, неуверенность, поражение и, неожиданно, решительность смешивались в нём… Он поднял глаза к мерцающему разуму Эффемера и произнёс: – Помоги мне, прошу. Научи меня видеть Память так, чтобы спасти людей!

Нити живого света осторожно и тепло обвили его, даря спокойствие, хотя сердце его продолжало учащённо биться.

Элиас понимал, что впереди лежит дорога, намного превосходящая пределы его понимания и сил. Но он уже принял своё решение и осознал, кто он есть на

самом деле: не герой, не воин, – всего лишь Садовник Памяти, хранитель воспоминаний…

А значит, другого выбора у него никогда и не было

* * * Элиас медленно возвращался к своему временному жилищу, чувствуя, как каждая клеточка его тела сопротивляется новой ответственности. Он пытался вернуться к привычному образу жизни, убеждая себя, что, возможно, совершил ошибку, что ему следует скрыться и оставить вселенские тайны позади…

Трепещущие листья Лёма отражали тревогу Элиаса, когда он шёл через поля разноцветных биолюминесцентных растений, словно напоминая о тех эмоциональных и психологических блоках, которые ему ещё предстояло преодолеть.

Однако даже в самый спокойный момент постижения чего-то нового всегда есть затаившаяся угроза. Эффемер, связанный с Элиасом на уровне подсознательных эмоций, продолжал посылать слабые импульсы – далёкие отражения чужих жизней, которые проникали сквозь ментальные блоки садовника вместе с тихой, нарастающей тревогой. Он заметил, как некоторые воспоминания начали копироваться: страхи и боль давно умерших обитателей других галактик вторгались в его разум, словно вирус, разрушавший целостность его внутреннего мира…

Постепенно страхи вытеснили реальность; Элиас начал замечать тёмные тени, мелькавшие по краям его зрения. Словно невидимые пальцы, они тянулись, чтобы отнять всё, что ему было дорого…

Той же ночью – после бесконечных испытаний на стойкость и подавленного желания сбежать – Элиас взглянул на звёздное небо и вновь услышал мелодичный голос Риэллы: «Эффемер защищает тебя. Эти образы – барьер для твоего сознания, проекция коллективной воли, чтобы избежать полного слияния. Но в них скрывается нечто невыразимое, нечто ужасное, нуждающееся в твоём понимании. Ты не одинок».

Эти слова, эфирной дымкой проникающие в сознание Элиаса, были одновременно и благословением, и проклятьем. Он знал, что отступить нельзя, и, пропустив импульсы, вновь шагнул навстречу неизвестности, доверившись проницательности своего странствующего сердца.

На следующий день, когда яркое утро открыло глазам Элиаса бескрайние просторы жизни вокруг них, он наблюдал за Лёмом, который трепетал среди кроны деревьев, продолжая пульсировать гармонией, техникой и биологическим

великолепием. Взглянув вверх, словно ведомый невидимой силой, Элиас заметил в центре Сада выброс сущностей, выходящий из сетей Эффемера, – открытый слиток ярких эманаций, текущий слишком размеренно, чтобы быть обычным скоплением.

Здесь не таилась угроза, не было раздвоения внимания, – лишь узкая полоска жидкой пелены связывала всевозможные ощущения в единое решение, передаваемое ему через экологическую сеть на грани времени. Эффемер не удалил пелену из его памяти, но подталкивал Элиаса к пониманию того, что для решения проблемы тьмы, веющей на всех, необходимо изменить перспективу

Он улыбнулся, не замечая, что именно это осознание – новый взгляд на кажущиеся привычными импульсы инопланетной жизни – стало мостом между ним и древним существом.

Но, по мере того как задворки сознания Элиаса заполняла агломерация тех фракталов, до которых ему удалось добраться, он наконец начал понимать, что Кора Гайи, биологическая сеть воспоминаний и просторов галактик – не просто выживает. Она активно перестраивала симметрию и структуру своего существования, и лишь его любовь к жизни, к Внутреннему Саду, позволит освободить их из этой магнетарной клетки…

* * *

Элиас проснулся, стремительно хватая ртом тяжёлый, вязкий воздух капсулы. Что-то было не так – крайне, катастрофически не так.

Взгляд метнулся по пространству внутренней кабины Зеркала Памяти: всегда мягко мерцавшие экраны были охвачены алыми сполохами аварийного света, а нежный шорох Лёма звучал глухо, будто сквозь толщу вязкой воды… Организм Садовника тут же почувствовал чужеродную тяжесть, ползущую по венам вдоль каждой нервной нити.

Он поднёс дрожащие пальцы к предплечью, и панический ужас отвердел комком в груди. Под кожей, переливаясь слегка голубоватым свечением, плыли тонкие, едва заметные нити незнакомой органической субстанции. Нити, которые Эффемер называл "ключами памяти", сейчас, прямо здесь и прямо сейчас, наперекор всем законам – неумолимо захватывали его тело. Они несли в себе чужие эмоции, голоса, шёпот чужих существ и воспоминания далёких, уже погибших галактических цивилизаций.

Эффемер, с его древней инопланетной мудростью и бесконечной памятью, оказался не просто великим и прекрасным сознанием, – как прежде наивно

думал Элиас. Теперь Садовник понимал: Эффемер – это живой вирус воспоминаний, уникальный космический организм, который питается сознаниями и непрерывно расширяется, захватывая разум носителя. И сейчас организмом-хранителем стал сам Элиас!

Он отчаянно попытался установить яростную преграду в разуме, но каждое движение давалось с трудом. Рядом встревоженно зашелестел Лём – листья на существе были тусклыми, почти иссохшими. Существо, которое всегда отражало эмоции своего хозяина, казалось измученным, истерзавшимся и хрупким, словно увядающий цветок.

Из динамика капсулы донёсся тихий, знакомый женский голос: – Я предупреждала, Элиас. Ты слишком глубоко впустил Эффемера внутрь себя… Но ещё не поздно. Посмотри вперёд, осталось совсем немного. – Риэлла? – хрипло отозвался Элиас, борясь с болью и монотонным гудением в висках. – Что это значит? Что… я теперь?

Пауза. Затем спокойный, сочувственный голос незнакомой странницы вновь зазвучал в его сознании: – Ты теперь – хранилище Эффемера. Его память в тебе – яд и дар одновременно. Ты способен донести это живое знание до точки назначения, к Великому Саду на планете Ириллия… Но это может стоить тебе жизни. Твои воспоминания уже растворяются в его океане.

Элиас закрыл глаза. Каждое дыхание отдавалось тугой болью, каждая мысль превращалась в подобие чужого видения. Перед ним стояла простая и жестокая правда: доставив Эффемера к Великому Саду, он мог исцелить тысячи миров, спасти человеческий Сад Воспоминаний и удержать баланс на грани хрупкого равновесия.

Но путь казался ужасающе далёким, даже несмотря на оставшиеся считанные минуты. Пульт дрожал под его ладонями, казалось, металлический корпус Зеркала Памяти тоже растворяется, становясь лишь тонкой гранью между ним и холодной пустотой космоса. Внезапно, коротким проблеском сознания он ясно ощутил соблазн: одним движением руки снять блокировку двери, разгерметизировать шлюз, дать вакууму ворваться внутрь и унести боль – и вместе с нею воспоминания, тягостные, мучительные, чужие и свои собственные – навсегда…

Сколько секунд нужно, чтобы всё закончилось?!

Лём медленно дотронулся листком до его ладони, слабый трепет вернул его обратно. Элиас вдохнул глубже и почувствовал, как что-то внутри него сопротивляется. Это было не гордостью, не чувством обязанности, а самой

сердцевиной его сущности – человеком, способным беречь и защищать память любой ценой…

Последние секунды были вечностью. Окончательный бросок к Ириллии отделял его от выбора жизни и смерти, между собственной свободой и безопасностью множества цивилизаций, чьи эмоции, знания и ценности теперь жили внутри него.

Он почувствовал, как губы произносят тихое, едва различимое – Я сделаю это.

Впереди расцвела планета-сад, окутанная сиянием миллиардов живых огней, сознаний и снов… Великий Сад Ириллии ждал своего нового хранителя, чья память отныне станет частью вечности… Элиас протянул дрожащие пальцы к панели управления – Прости, Лём… мы больше не вернёмся домой такими, какими были раньше.

Зеркало Памяти начало снижаться, озарённое светом неизвестного мира, несущего исцеление, забвение и вечность одновременно.

* * *

Крохотная капсула, словно усталое семечко, пробила нежнейшие верхние слои атмосферы и скользнула навстречу призрачным сказочным берегам Ириллии. Прямо перед глазами Элиаса, через прозрачную поверхность иллюминатора, раскрылось царство великого живого сада. Миллионы тонких нитей света, мерцающие рукавами туманностей и северными сияниями, струились по поверхности планеты, сплетаясь в невообразимые узоры – пёстрые и гармоничные, словно ткань самой Вселенной. Дыхание Садовника замедлилось. Каждая его клетка содрогалась от бесчисленных голосов, наполнявших его сознание. С каждым новым ударом ослабевшего сердца они становились всё громче, всё болезненнее… Лём тихо дрожал рядом, почти угасший в попытках исчерпать мучительный поток чужих воспоминаний из разума хозяина.

– Последний шаг – всегда самый сложный, – мягко прошептала Риэлла. Облик её то и дело фантомом появлялся в тени мерцающего пилотского кресла. – Ты способен на то, на что не способен никто другой. Только хранящий чужие воспоминания знает истинную цену жизни.

Элиас, слабой рукой коснувшись стекла, прошептал: – Если я отдам себя, Эффемер растворится и станет частью Великого Сада? – Да, – ответила Риэлла мягко и уверенно. – Ты станешь семенем нового единства. Ты подаришь миллионам цивилизаций не только спасение от гибели, но и возможность обрести гармонию. Станешь Хранителем Памяти навечно. – А боль?.. – тихо

спросил Элиас, хотя уже знал ответ.

Риэлла не ответила. Она лишь смотрела с печальной мудростью в глазах, растворяясь в лучах планетарного сияния…

Корабль мягко коснулся поверхности планеты и открыл шлюз. Элиас шагнул на влажную траву Ириллии. Его ноги подкашивались, зрение застилал туман пульсирующих образов – миров, существ, судеб, радостей и трагедий. Он медленно приблизился к сиянию, заворожённый переплетением бесконечных нитей Сада…

– Прощай, дорогой друг, – прошептал Садовник, ощутив последнее лёгкое касание листьев Лёма на щеке. Лём нежно влился в сад, растворяя сам себя в бесконечности жизни.

Собрав последние крохи сил, Элиас упал на колени среди неземного сияния и осторожно протянул руки к Свету: – Я здесь, Эффемер. Возьми меня.

И в этот миг мир взорвался миллионами живых огней.

Сознание Элиаса мгновенно растеклось по ветвям и потокам Великого Сада. Мириады чужих воспоминаний выплеснулись наружу, освободив его, став частью новой целостности. Боль исчезла, сменившись бесконечным переживанием всего сущего. Эффемер растворился вместе с Элиасом, обретая наконец покой и смысл после многовекового пути. Теперь он тоже был частью Большой Памяти Вселенной.

Риэлла смотрела вверх, улыбаясь и чуть заметно кивая самой себе, словно давно ожидаемый ритуал окончен. Она знала, что отныне на всех известных мирах зажжётся новая легенда о Садовнике Памяти, ценой своей жизни спасшем сознания миллионов.

Люди будут передавать легенду друг другу, от мира к миру, от одной звезды к другой, что где-то далеко, среди бесконечной россыпи звёзд и планет пульсирует Великий Сад Ириллии, хранящий воспоминания о каждом живом существе, когда-либо существовавшем и существующем, – легенду о тихом человеке с мудрыми серо-зелёными глазами, который вместил в себя память и боль целой Вселенной и отдал себя на вечное благо других…

И, когда кто-нибудь спросит у Хранителей Памяти: кто же он был такой – этот легендарный Садовник сознания? – они улыбнутся, рассказывая друг другу тихим голосом: – Элиас. Имя его было Элиас, и он стал голосом тех, кто когда-то жил и кто ещё не родился. Голосом памяти самой Вселенной, вечно звучащей

среди звёзд.

* * *

Прошло… сколько лет? А может, лишь пара часов?! – В бескрайнем Саду Ириллии время казалось таким же иллюзорным, как отражение звёзд в бездонном пруду. Планета мягко вздыхала в ночи, а тёплый ветер нашёптывал истории тех, кто навеки стал частью её единой памяти.

На месте, где когда-то остановилось сердце Элиаса, теперь росло неземной красоты дерево. Оно тянулось к небу тонкими ветвями, а листья его, серебристо-зелёные и почти прозрачные, медленно пульсировали, словно живые эмоции. Говорили, что деревья здесь вырастают из людей, чьи сердца смогли вместить всю бесконечность чужих чувств и воспоминаний.

От дерева протянулись тонкие нити, пульсирующие нити живого света – связь Великого Сада с другими мирами. По ним в бесконечность ускользали надежда, мудрость и сострадание, что принёс однажды Садовник по имени Элиас. С тех пор жителям самых далёких колоний снились прекрасные сны: серебристое дерево в бесконечном саду, человек с мягким взглядом и существо по имени Лём, шелестящее листьями в унисон с биением космоса. Эти сны учили состраданию и наполняли сердца нежной грустью и светлой благодарностью.

Сквозь века и звёзды шла тихая легенда, передаваемая из уст в уста о том, кто пожертвовал собой ради жизни и памяти множества миров. Она звучала у костров на далёких планетах, её вспоминали учителя и мудрецы, ею вдохновлялись исследователи и творцы.

Но были среди бескрайнего звёздного множества два путешественника, часто возвращавшихся к живой памяти Ириллии

Одним из них была странница по имени Риэлла. С мягкой улыбкой она касалась тонких ветвей дерева Элиаса и шептала, что благодарна за уроки сострадания и самопожертвования, что и сегодня его искреннее сердце освещает её путь среди звёзд...

Вторым стал Лём. Слившись когда-то с Садом, он научился жить теперь во множестве форм, меняя тела и путешествуя между мирами, рассказывая повсюду о своём друге. Никогда не покидая надолго дерево Элиаса, Лём прилетал сюда снова и снова, садился среди ветвей и шептал воспоминания, зная, что Садовник слышит его.

Даже спустя сотни и тысячи звёздных циклов в Великом Саду, Дом Памяти приходили почтить неслышными шагами, улыбаясь теплу и покою, хранящимся возле древнего дерева. Шёпот историй, сплетения судеб, космическая нежность и сердце одного человека – Элиаса – навсегда остались частью серебристой ткани бесконечной Жизни.

И где-то далеко-далеко, на маленькой планете Аурелия, в старом уютном доме со стенами из прозрачного биостекла, новая смена Садовников Памяти по вечерам перелистывала страницы древней бумажной книги, в которой золотистыми чернилами было записано короткое стихотворение, – строки, тайком написанные Садовником в юности, теперь бережно хранили и передавали из поколения в поколение:

«И, даже став памятью звёздной пыли, Среди садов и бесконечной дали, Я буду внимать дыханью Вселенной И слышать тех, кого любил когда-то…»

Читая эти строки, они улыбались. Ведь пока слышится шёпот серебристых листьев в лучах бесчисленных солнц, память о простом садовнике Элиасе будет жива среди звёзд.